

Гипич Вячеслав Викторович,
*преподаватель Донбасского институт техники и менеджмента
(Донецкая обл., г. Краматорск, Украина)*

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. И «СМУТНОЕ ВРЕМЯ» В СОЧИНЕНИЯХ ПОЛЬСКИХ МЕЩАН

Изучение «Смутного» времени в России в XVII в. заключается не только в точной реконструкции событий тех лет. Важно знать и то, какой след этот период оставил в сознании людей.

Нашей целью будет изучить дневники, путевые записки, художественные произведения, написанные представителями мещанства Речи Посполитой, и выяснить — как они воспринимали Московское государство в первой половине – середине XVII в. Мы попытаемся выяснить — отличалось ли восприятие Московского государства мещанами и шляхтой, и как это соотносилось с официальной пропагандой польских властей.

Нами были использованы произведения конца XVI–XVII вв., написанные представителями мещанского сословия. Следует помнить, что не каждый ремесленник либо купец брался за перо и начинал литературную деятельность. Основная масса мещан-писателей — это представители городских элит: члены магистрата, аптекари, богатые купцы, преподаватели учебных заведений.

Вопрос изучения восприятия поляками россиян и россиянами поляков имеет довольно обширную историографию. Однако работ, посвященных городскому сословию, практически нет.

Львовский патриций Юзеф Варфоломей Зиморович в своей городской хронике жителей московского государства относит к числу славянских народов, которые, в свою очередь, корнями своими уходят к сарматам. Однако Зиморович относит «москвитов» к иностранцам, поскольку те «нелюдимые, как вроде в ином закрытом мире живут в своей дикости» (Zimorowic B. Pisma do dziejów Lwowa odnoszące się. Lwów, 1899. 423 s.) Такое отношение к жителям Московии характерно для общества Речи Посполитой. Считая русских неотъемлемой частью славянской семьи, подчеркивая языковую и этническую близость, польско-литовские публи-

цисты подчеркивали культурную отсталость своих соседей, «варварскую» сущность московитов. Профессор Краковской академии Себастиан Петриций в своих комментариях к «Этике» Аристотеля, изданных в 1618 г., называл жителей Московии «хитрыми, жестокими, неистовыми» и ставил их в один ряд с крымскими татарами (Petrycy S. Pisma wybrane. T. 1. Kraków: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956. 550 s.) О дикости московитов писал в конце XVI в. львовский купец родом из Гданьска, Мартин Груневег. В своем дневнике он описал опасности, которые подстерегают путешественников по пути в Москву — разбои, убийства, грабежи. Груневег мыслил общепольскими стереотипами, считая, что распространение грабежей на территории России связано с тем, что суровый северный климат влияет на характер людей: «Ни в одной стране нет большего количества преступников, как в этой, из-за холода, который превращает многих в преступников уже в материнском чреве» (Россия—Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. Москва: Индрик, 2002. 344 с.)

Географическое расположение России в трудах польско-литовских публицистов было продолжением их отношения к жителям этой страны. Московское государство обязательно представлялось как «северное» государство. Суровый северный климат делал и жителей этого края лютыми, угрюмыми, нелюдимыми и замкнутыми. А автократический стиль правления, отсутствие свободы личности в глазах Запада сближали Россию с татарами и турками, то есть восточными деспотиями. По словам Груневега, «ни один народ мира не почитает своих государей больше, чем московиты». Представители народа «никуда не выезжают из страны и не имеют никаких книг». Информация о богатстве России и о преданности народа своим правителям, превратившаяся в стереотип в западных странах, присутствует и у Груневега: «Мне кажется, ни один монарх мира не богаче его (царя)...».

Изучая отношение польских мещан к Московскому государству, нужно помнить, что из полутора столетий — с начала войны Ивана III с Великим князем Литовским Александром (1492) до Андрусовского перемирия (1667 г.) — почти половина была занята русско-польско-литовскими военными конфликтами.

Краковский лекарь Ян Юрковский с оптимизмом смотрел на открывающиеся возможности в польско-росийских отношениях в связи со свадьбой Лжедмитрия с Мариной Мнишек. Автор «Гименей наияснейшего монарха Дмитрия Ивановича» (Jurkowski J. Hymenaeus Naiasniejsze(go) Monarchy Dymitra Jwanowica. Kraków, 1605. 15 s.) подчеркивал славян-

ский характер двух народов и надеялся, что грядет эра мирных, дружеских отношений между двумя государствами. И чтобы задекларировать эти приятельские отношения, Москва должна передать Речи Посполитой земли, некогда принадлежавшие Великому княжеству Литовскому.

Вслед за поэтическими и панегирическими воспеваниями Лжедмитрия, у Юрковского видны и политические надежды на нового союзника в лице «Великого царя Московского», который:

Шведов вероломных мощно укротит
И полякам их болезненные волости возвратит,
Что татарские опасные хищные орды погасит,
Которые для польского государства убийства наносят.

Особый интерес в произведении представляет собой образ Бориса Годунова. Как и в большинстве современной автору литературе, Годунов изображается в негативных тонах, порой даже демонических. Это не удивительно. Для Юрковского, как и для Речи Посполитой в целом, свержение Годунова имело судьбоносное значение, ведь таким образом была разорвана грозная российско-шведская лига и предотвращено нападение на Польшу.

С началом похода Лжедмитрия на Москву и военной интервенцией Сигизмунда III в Россию множество жителей Речи Посполитой имели возможность непосредственно познакомиться с «северным» соседом. Вслед за войсками шляхты и казаков двигались торговые караваны купцов-мещан. Причина, побудившая многих жителей польских городов пуститься в столь опасное путешествие, очень проста — жажда наживы. Об этом откровенно говорит Себастиан Петриций в своем сборнике «лирических песен», написанном в московском плену в 1606 г. (Petrycy S. Horatius Flaccus w trudach więzienia moskiewskiego. Kraków: TAIWPN Universitas, 2004. 131 s.) В 1612 г. вслед за обозами с «розною живностью и горілками» в Московское государство отправился киевский мещанин Божко Балька. Вместе со многими другими купцами киевлянин пережил осаду в Московском кремле. Но даже во время страшного голода у Бальки не исчезал такт торговца — он старательно фиксирует баснословные цены на еду в осажденном лагере (Кіевская старина. Київ: Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, 1882. июль. С. 97–105.) Большой проблемой для купцов были шиши, которые постоянно грабили обозы с товаром. Поэтому купеческие караваны двигались вместе с войсками. Беспokoила Бальку также проблема «лихой дороги ухабистой» в соседнем государстве.

Божко Балыка был не единственным киевлянином, участвовавшим в вооруженных конфликтах с северным соседом. Во время московской экспедиции королевича Владислава в 1617–1618 гг. киевским мещанам пришлось поставлять оружие и военную амуницию к Дорогобужу, а порох и селитру — к Вязьме. Позже жители Киева за эти услуги, которые они называли проявлением «верности и угодности его королевской милости», просили у киевского воеводы Томаша Замойского освободить их от налогов на территории Северщины (Україна крізь віки: Збірник наукових праць на пошану академіка НАН України професора Валерія Смоля. Київ: Інститут історії України НАН України, 2010. 1096 с.). Известны случаи участия киевских мещан в Ливонской войне. В награду за службу один из них, а именно — Семен Конашкович, получил должность киевского войта.

Несмотря на многочисленные конфликты между двумя странами, польское общество в начале XVII в., в целом, было мирно настроено по отношению к Московскому государству. Ситуация изменилась после похода Лжедмитрия I. Люди, которые побывали в московском плену, возвратившись из неволи, стали яркими пропагандистами войны с Москвой. Себастиан Петриций обращался к эмоциям шляхты, пытался возбудить в них жажду мести за тот позор и страдания, которые пережили поляки в московском плену. В оде «К царскому престолу» Петриций обращается к королю Сигизмунду III, напоминая монарху о его предшественниках, которые «границы значительно расширили», призывал польского монарха и самому «засветится между теми звездами». Гетманов Жолкевского и Ходкевича призывал, чтобы те прибыли «для мести с ярмом для злого племени». Иными словами, Петриций подводил польского монарха к мысли о том, что просто необходимо завоевать Московское царство:

Мы, королевич Владислав, тебя
За Бога будем почитать, если ты к короне
Присоединишь Москву и септентрионов.

Уверенность в необходимости инкорпорации московских земель он подтверждал слабостью самого Российского государства, измученного внутренними войнами: «Что судить будут о вашей злобе ваши потомки, если они у вас будут, ведь скоро всех поубиваете в гражданской войне», — обращался Петриций к жителям Московии. И такая ситуация, в представлении поляка, была следствием божьего наказания.

Таким образом, мы можем утверждать, что жители городов Речи Посполитой выступали активными участниками отношений с соседним Московским государством. В своих сочинениях горожане формировали образ «Московии». Несмотря на этническую, а порой и религиозную близость, Россия воспринималась мещанами как «чужое», враждебное государство.

Ключевые слова: Речь Посполитая, мещанская литература, Московское государство

Information about the article:

Author: Gipich, Vyacheslav Viktorovich, Lecturer of Dombass Institute of technology and management, Kramatorsk, Ukraine, slaventi@yahoo.com

Title: Muscovy in the first half of the 17th century and the “Time of Troubles” in the writings of the Polish middle class

Summary: The Author studies the Polish narrative of the first half of the 17th cent., devoted to the problem of difficult relations between Rzeczpospolita and Muscovy.

Key words: Rzeczpospolita, middle-class literature, Moscow State